

Проект «Глобализация»: роль и место во всемирно-историческом процессе

Владимир Павленко
Владимир Штоль

Началось это противостояние в Евразии (России с Британией вдоль сухопутных границ нашей страны) еще с XVI в., во времена царствования Ивана Грозного и Елизаветы I. В XIX в. оно получило название «Большой игры» (в английском варианте – Великой игры – *The Great Game*).

Этим тезисом была завершена первая часть статьи*.

Миропроектная конкуренция vs глобализация

За последнюю четверть века, особенно нам, в России, неоднократно приходилось сталкиваться с неспособностью политической науки отыскать ответ на вопрос о том, что именно происходит в общественно-политической жизни. Самые про-

стые и наиболее наглядные примеры – канувший в Лету пресловутый властный тандем, природе которого, несмотря на все старания ученых-политологов, так и не было найдено удовлетворительного объяснения, или, скажем, знаменитое «дело

ПАВЛЕНКО Владимир Борисович – доктор политических наук, действительный член Академии геополитических проблем. *E-mail*: pvb.55@yandex.ru

ШТОЛЬ Владимир Владимирович – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой государственно-конфессиональных отношений МИГСУ РАНХиГС при Президенте России, профессор Центрально-Европейского университета в Скалице (Словакия). *E-mail*: observer@ru.ru

Ключевые слова: глобализация, Россия, Гегель, Леонтьев, цивилизация, идентичность, цивилизационный подход, цивилизационные проекты.

* Окончание. Начало см. Обозреватель–Observer. 2013. № 4.

Стросс-Кана», оставшееся для официальной политической науки неразрешимой загадкой.

Почему так происходит?

С.Е. Кургинян объясняет этот казус приверженностью науки (особенно фундаментальной) субъектно-объектному подходу, при котором, условно говоря, ученый, т.е. субъект, занимается исследованием некоего политического процесса и его участников как объекта, делая упор на его структуру, свойства и другие характеристики. При этом как бы «по умолчанию» предполагается, что данный объект статичен, а также в целях чистоты эксперимента изъят из контекста, в котором он находится в реальных условиях. Если же вернуть контекст и признать право такого объекта на динамику (характерную для субъектов политики), то уже не получится беспрепятственно исследовать его, а тем более обращаться с ним как с объектом; этому будет противопоставлена его собственная, уже не объектная, а субъектная игра. Именно игра (*game*) – в этом и заключен смысл любого политического процесса (конфликта), будь то внутриполитическая борьба власти с несистемной оппозицией внутри страны или «Большая игра» (*The Great Game*), ведущаяся между Россией, а теперь и Китаем, и главными англосаксонскими державами Запада – Британией и США. (Кстати, внутренняя игра и внешняя игра между собой также тесно взаимосвязаны: внутри действует агентура внешнего влияния, именуемая «пятой колонной».)

Поэтому в отличие от классической науки игра выступает комплексом не субъектно-объектных, а субъ-

ектно-субъектных связей и отношений, что, например, наглядно демонстрируется трудами Нобелевского лауреата Т.Шеллинга. Теория игр им раскрывается на примере холодной войны, в которой он сам активно участвовал в составе одного из главных мозговых центров США и НАТО – *RAND-Corporation*¹.

Преодоление этого противоречия и установление связи науки с игрой осуществляется с помощью упомянутого нами проектного подхода, вытекающего из цивилизационной теории. В фундаментальной, да и в вузовской науке он до сих пор считается маргинальным: официальные учебники политологии, выполненные автохтонным для этой дисциплины западным проектным языком, упоминания о нем не содержат. Происходит это, именно потому, что проектный подход, который как бы переводит имеющийся объем политических знаний на другие проектные языки, способен вполне успешно отвечать на вопросы, которые ставят в тупик науку, привыкшую оперировать понятийным аппаратом западной проектности.

Поэтому проектный подход давно и активно используется прикладной наукой, в том числе специализированными аналитическими центрами и фондами (особенно принадлежащими спецслужбам), которые пусть и ангажированы определенными политическими интересами, но при этом предлагают намного более точные оценки, выводы и прогнозы, нежели отстраненное и позитивистски «нейтральное» академическое сообщество.

В качестве примера можно привести теорию современной миро-

проектной конкуренции, выдвину-
тую С.Е.Кургиняном, которая интегри-
рует с помощью цивилизационно-
го, проектного подхода теории обще-
ственно-экономических формаций
(ОЭФ) и модернизации («больших
эпох»). Кургинян доказывает, что ос-
новным содержанием нынешней ис-
торической эпохи является заверше-
ние Модерна, а никак не «всемирные
переходы» «от капитализма к комму-
низму» или «от тоталитаризма к де-
мократии», предлагаемые в качестве
такого содержания теориями ОЭФ и
модернизации².

Отметим, что именно Модерн,
безраздельно доминируя на протя-
жении последних 500 лет, предложил
человечеству светские ценности ве-
ликих буржуазных революций, а с
ними и масонскую гностическую ме-
тафизику, противопоставленную
традиционным религиям, прежде
всего христианству, особенно – пра-
вославию. Этим объясняется секу-
лярный, а точнее «секуляризатор-
ский», дух эпохи Просвещения, нераз-
рывно связанной с формированием
этого уклада.

С помощью проектного подхода
можно установить связь науки с иг-
рой. Например, в «канонических па-
радигмах» теории международных
отношений (ТМО), которые рассмат-
риваются в известных учебниках по
этой дисциплине П.А.Цыганкова³.
Предлагаются три такие парадигмы:
либеральный идеализм, реализм и

марксизм. Думается, что это – не ис-
черпывающий список. В частности,
с его помощью не объяснить сущно-
сти феномена так называемой «араб-
ской весны», составляющего важ-
ный, причем отнюдь не стихийный,
элемент глобализации (вспомним те-
орию хаоса С.Манна из Института
сложности в Санта-Фе). Чтобы по-
ставить все на свои места, приходит-
ся вводить в этот перечень четвер-
тую парадигму – традиционализм,
ибо ни к одной из вышеприведенных
парадигм исламский фундамента-
лизм, например, как главный бене-
фициар «арабской весны», очевидно,
отнесен быть не может*.

А теперь сопоставим «канониче-
ские парадигмы» ТМО (либерализм, ре-
ализм, марксизм, а также дополнен-
ный нами традиционализм) с вариан-
тами выхода из Модерна, которые
предлагает С.Е.Кургинян². Среди них:

- либеральный Постмодерн, в ко-
торый переходит «большой Запад»;
- традиционалистский Контрмо-
дерн исламского «большого Юга»;
- остатки свойственного реализ-
му Модерна, сохраняющиеся в Вос-
точной и Юго-Восточной Азии, т.е.
на «большом Востоке»;
- а также проект «Сверхмодерн» –
обновленный вариант коммунизма
(марксизма), резервируемый Курги-
няном для «большого Севера», т.е. для
России (в рамках реинтегрированно-
го постсоветского пространства**)
(курс. – Авт.).

* Не забудем, традиционализм бывает не только интегральным (Р.Генон), как у выра-
щенных британскими спецслужбами «Братьев-мусульман», саудовских ваххабитов и хри-
стианских сионистов, или рефлексивным (Э.Берк и Ж. де Местр), но и подлинным, тра-
диционно-религиозным (Ф.И.Тютчев и К.Н.Леонтьев).

** Подчеркнем, что Кургинян «большим Севером» видит именно Россию, ибо имеются и
другие концепции «большого Севера», например «северное кольцо демократий», в которое
предлагается интегрировать Россию, превращенную для этого в «либеральную империю»⁴.

Данная «четырёхзвенная» модель, в которой в настоящий момент недостает лишь одного, российского, проекта, и есть формула миропроектной конкуренции, альтернатива «концу истории» и времен на выходе из Модерна, из которого мир «вытаскивают» в режиме рассматриваемой нами глобализации.

Поскольку интегральный исламизм Контрмодерна является продуктом западных спецслужб (в конце Второй мировой войны деятельность британской разведки дополнилась картошкой эсэсовских кадров Третьего рейха*, а также предшественником ЦРУ – Управлением стратегических служб США – УСС), постольку альянс с ним западного Постмодерна и являет собой суть и смысл глобально-фашистского «Нового мирового порядка».

А вот Сверхмодерн обновленного коммунизма интегрирует наследие со-

ветского проекта уже не с интегральным, а с подлинным, религиозным традиционализмом. «Поправка» на него и порождает кургиняновскую формулу «СССР 2.0», означающую присоединение к советскому опыту того, что в нем либо не было вообще, либо было отброшено или утрачено. В философском плане подобная трансформация марксизма, на наш взгляд, может быть осуществлена за счет:

- замены в диамате гегелевского диалектического гностицизма леонтьевской формулой «цветущей сложности»;

- выделением концепции «больших эпох» из утратившей актуальность теории модернизации и соединением ее в рамках истмата с теорией ОЭФ (рис. 1) с помощью цивилизационного, проектного подхода, проявляющего себя в «социорах» и «параформациях» Ю.И.Семенова.

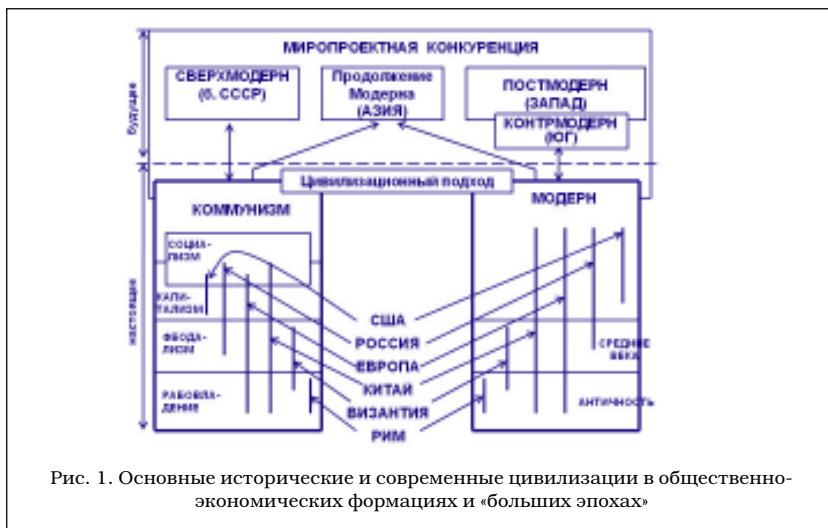

Рис. 1. Основные исторические и современные цивилизации в общественно-экономических формациях и «больших эпохах»

* В 1946 г. группа сотрудников Первого (кадрового) управления РСХА во главе с бригаденфюрером СС К.Бруннером по заданию сохранившихся нацистских центров приняла ислам и внедрилась в разведывательные и террористические сети Ближнего и Среднего Востока⁵.

Коррекции, разумеется, потребует и отношение к так называемому «основному вопросу философии», тем более что современные достижения физики, настойчиво продвигающие гипотезу о принципиальной неразделимости сознания и материи (как яйца и курицы), стремительно обесценивают его актуальность, причем даже в глазах убежденных материалистов.

Таким образом, являясь, повторим это, неотъемлемой частью цивилизационной теории, проектный подход позволяет интегрировать игру с наукой, резко повышая тем самым достоверность приобретаю-

щих все большую актуальность прикладных исследований, как и возможность адекватного теоретического осмысления их результатов на уровне фундаментальной науки. Объективная необходимость этого сегодня как никогда велика, на что указывает современный этап «Большой игры», развернутый с помощью «твиттерных революций» так называемой «арабской весны».

В основе этого этапа, как и предыдущих, находится полутысячелетнее цивилизационное, проектное противостояние (конкуренция) России и Запада (рис. 2).

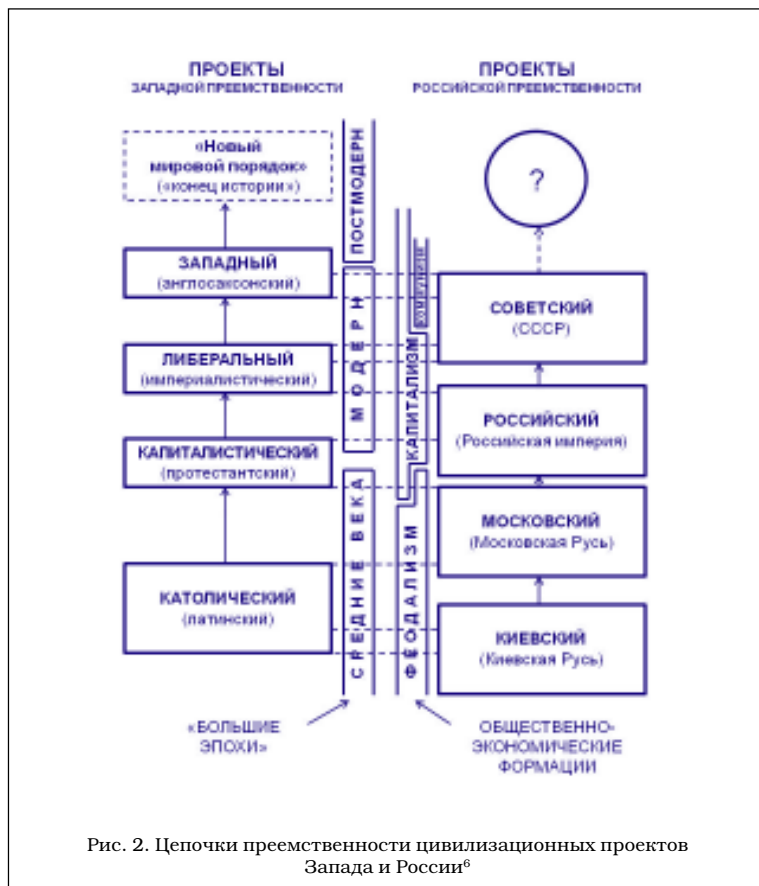

Рис. 2. Цепочки преемственности цивилизационных проектов Запада и России⁶

Не забудем, что стратегию, осуществляемую в рамках западной цивилизационной преемственности, формируют не государственные институты США, Великобритании или Германии, не НАТО с Европейским союзом и даже не ООН (они ее лишь ретранслируют и проводят в жизнь), а структуры частной власти, опирающиеся на альянс глобальных олигархических кланов. В его рамках контролирующая мировую финансовую сферу группа Ротшильдов, по праву лидера межклановой конкуренции взявшая на себя организаторские функции, структурирует сферы ответственности других групп. Политическая сфера по ряду признаков отводится группе Рокфеллеров; духовную же сферу с приходом нового понтифика Франциска I все активнее начинает подбирать под себя группа Ватикана, и в первую очередь действующие в ее структуре ордена – иезуитов, Мальтийский, «Опус Деи» и др. Обладая при Святом престоле эксклюзивным статусом, они давно превратились в неформальные квазирелигиозные «клубы по интересам», объединяющие различных высокопоставленных представителей западных элит.

Разумеется, олигархическая глобализационная экспансия, вектор которой направлен против России и Китая, все последние годы формиру-

валась в рамках постмодернистской экуменической «иудео-христианской» стратегии. Осуществляется она также с непосредственным участием соответствующих центров религиозного и квазирелигиозного влияния в Израиле, на обоих побережьях США (Коннектикут и Сан-Франциско), в Великобритании, Франции, на Ближнем и Среднем Востоке, в Южной Корее, в буддистском мире, а также при упомянутах взаимодействии с контрмодернизмом радикального ислама.

Геополитическим измерением этой экспансии и стал условный «перенос» Берлинской стены на северо-запад России, в Белоруссию, на Украину и на берега Днестра, на Северный Кавказ и в Закавказье, в Центральную Азию. Ныне к ним усиленно присоединяют китайские Тибет и Синцзян, которые, наряду с Тайванем и Гонконгом, рассматриваются США и Западом как новые лимитрофные зоны, способные дестабилизировать КНР.

Совокупность цивилизационных и геополитических аспектов и факторов этой экспансии, маскируемой мифологемами «демократии» и «рынка», за которыми скрываются притязания на мировое господство под знаками «общечеловеческих» ценностей и ростовщической метафизики денег, и представляет собой проект «глобализация» в его нынешнем виде.

Проектные и компрадорские элиты

Нелюбовь фундаментальной науки к проектной теории и отказ от исследования механизмов проектной конкуренции любят объяснять «естественностью» всемирно-исторического процесса и наличием у ис-

тории «объективных» законов, которые якобы «неумолимо вращают ее колесо», не давая ему вертеться в обратную сторону (как утверждалось в известном постулате научного коммунизма).

Однако, во-первых, как мы уже установили, вектор развития может быть направлен как в прогрессивном, так и в регрессивном направлениях, и это распространяется на обе основные прогрессивистские теории – марксистскую ОЭФ и «буржуазную» теорию модернизации. Поэтому и «колесо истории» может вращаться в любую сторону, иначе оказались бы невозможными ни реставрация капитализма в бывшем СССР, ни обвал в контрмодернистскую исламистскую архаику Ближнего и Среднего Востока, ни секуляризация христианского мира.

Во-вторых, «естественность» развития является отличительным признаком отнюдь не социального, а природного, биологического начала, и неслучайно, что бихевиористские концепции в политологии, как известно, особого признания не получили. Жизнь социума развивается в

соответствии не с инстинктами, а с проектами – самыми разными, отражающими определенные групповые интересы*.

В-третьих, и это главное – представление об «объективных законах истории» входит в очевидное противоречие с фактом взаимодействия в любом процессе объективных и субъективных факторов. При этом важно отметить, что в синергетике, например, под «объективностью» понимается не более чем набор вариантов в так называемой «точке бифуркации», в которой процесс теряет управляемость и становится уязвимым для субъективного воздействия извне, даже сколь угодно малого. Поскольку один из вариантов все равно реализуется, то любой выбор, таким образом, можно считать как субъективным, так и объективным.

Задолго до основоположников синергетики данная закономерность,

* Распад СССР, к примеру, оказался либо побочным, либо даже прямым проектным последствием попытки Ю.В. Андропова провести рыночную реформу, которая была осуществлена уже после его смерти. Для этого были созданы две команды – Гайдара и Явлинского, а к власти был приведен Горбачев.

Так, московскую «команду Гайдара» (Авен, Лопухин, Машиц, Мау, Зурабов, Жуков, Кагаловский, Улюкаев, Нечаев и др.), составившую основу созданной в 1983 г. после прихода Андропова к власти, засекреченной Комиссии Политбюро ЦК КПСС по подготовке экономической реформы в СССР, при распаде страны выдвинули во власть. Перед этим она в августе 1986 г. объединилась с ленинградской «командой Чубайса» (Игнатьев, Васильев, Дмитриев и др.).

«Команда Явлинского», базировавшаяся, в отличие от «команды Гайдара – Чубайса», не в советском филиале курировавшегося Римским клубом венского Международного института прикладного системного анализа (МИПСА) – Всесоюзном НИИ системных исследований (ВНИИСИ), а в Московском институте народного хозяйства (МИНХ), во власть не попала, что предопределило вечную «конструктивную» оппозиционность будущего «Яблока». Обе «команды» имели единого куратора – ныне покойного академика С.С.Шаталина. С середины 60-х годов он вместе с известным либералом Е.Г.Ясиным работал в Центральном экономико-математическом институте (ЦЭМИ). Затем был переведен во ВНИИСИ под начало, по сути, официального представителя Римского клуба в СССР академика Д.М.Гвишиани. Завершающий этап формирования «команды Гайдара – Чубайса» Шаталин провел во главе созданного в 1986 г. Института экономики и прогнозирования научно-технического прогресса (ИЭПНТП). С Явлинским его объединяла не получившая развития программа «500 дней».

правда применительно к революционному процессу, была раскрыта В.И. Лениным. В работе «Крах II Интернационала» (1915 г.) успех революции им был поставлен в зависимость не только от объективного фактора – наличия революционной ситуации (кризиса «верхов» и их политики, обострения недовольства и нужды «низов», значительного повышения их активности), но и от субъективного. Ленин представляет его как «...способность революционного класса на революционные массовые действия...», могущие «сломасть... старое правительство, которое никогда, даже в эпоху кризисов, не “упадет”, если его не “уронят”»⁷.

Еще раньше, в работе «Что делать?» (1902 г.), Ленин связал субъективный фактор с формированием пролетарской партии, способной не идти «в хвосте» стихийного рабочего движения, а служить ему «сознательным авангардом», который упорядочивает стихийность с помощью внедрения в него социал-демократического сознания, вытесняющего «экономизм» тред-юнионизма⁸.

В 1905 г., в работе «Последнее слово “искровской” тактики», Ленин приводит мысль, которая, как увидим, окажется особенно важной для понимания генезиса глобализации. «Переворот может назреть, а силы у революционных творцов этого переворота может оказаться недостаточно для его совершения, – тогда общество гниет, и это гниение затягивается иногда на целые десятилетия»⁹.

Говоря о революции и о партии, Ленин, конечно же, имел в виду распространение этого метода и на любые иные социально-политические процессы*, полностью отдавая себе отчет в том, что место авангардной партии могут занять и другие «авангарды», сплоченные иными общими интересами. Например, глобальная олигархия, активизирующая сегодня через агентов своего влияния в СМИ и Интернете социальное недовольство, используемое для подрыва государств, или ответственные государственные элиты, действуя в русле традиционалистской концепции К.Н. Леонтьева, препятствуют развитию этих разрушительных процессов внутри своих стран.

Приложение учения об объективном и субъективном факторах к современности наглядно демонстрирует, что продвижение глобалистских интересов связано со стремлением исключить саму возможность появления внутри государств и их союзов локальных субъективных факторов, оппозиционных глобальному, т.е. олигархии. В суверенных странах ее интересы проводятся «пятой колонной» в лице компрадорской «смычки» части политических, деловых и научных элит, а также крупных СМИ и НПО с иностранным финансированием, относящих себя к так называемому глобальному гражданскому обществу.

Глобализация, таким образом, становится движением к «концу истории» и времен, которое, в полном соответствии с предсказаниями В.И. Ленина,

* В советской научной методологии распространение учения об объективном и субъективном факторах за рамки революционного процесса было осуществлено еще в 60-е годы¹⁰.

осуществляется с помощью многолетнего «гниения» вовлекаемых в нее стран и народов и обеспечивается подавлением в них противостоящего олигархам субъективного начала – властного и (или) оппозиционного.

По К. Марксу, «...олигархия увековечивает себя не при помощи постоянного сохранения власти в одних и тех же руках, но тем, что она попеременно выпускает власть из одной руки, чтобы подхватить ее тут же другой»¹¹, т.е. с помощью института двухпартийных систем. Если обратиться к типологии элит В.Парето, то видно, что локальный субъективный фактор отсекается и подавляется как раз таким способом*

Причем опыт современной России демонстрирует, что элите, значительная часть которой является компрадорской, представляющей собой «пятую колонну» глобальной олигархии, при этом противопоставляется не тщательно «зачищаемая» контрэлита, а антиэлита – «гламурная», лишенная не только системной оппозиционности, но и системной организации. Это наглядно иллюстрируется известным высказыванием К.Собчак о протестных акциях на Болотной площади и проспекте Сахарова как о «революции норковых шубок».

Заместив контрэлиту и заняв ее место не без помощи самих элитных компрадоров, антиэлита, вслед за либерально-космополитическим крылом самой власти, становится не чем иным, как еще одним отрядом «пятой колонны» «глобализаторов».

Самостоятельной компрадорской силой выступает и определенная часть бизнеса, особенно крупного, тесно связанного своими интересами с Западом. Российские, украинские и любые иные постсоветские олигархи суть локальные «подразделения» глобальной олигархии, находящиеся в зависимости не столько от органов государственной власти своих стран, сколько от корпоративных центров глобально-олигархической организационной структуры.

Представляя собой альянс «оранжевого» крыла власти, бизнеса и «белоленточной» оппозиции, созданный с помощью диалектического (т.е. гностического) «единства и борьбы противоположностей», «пятая колонна» соединяет внутри себя олигархию с так называемым креативным классом («креаклами»), зависящим от нее экономически. Известный глобалист, экс-президент Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР) Ж.Аттали именует их «новыми кочевниками» – так называемыми гражданами мира¹⁴. Когда количество «креаклов» достигает значений критической массы, собственный цивилизационный проект начинает подвергаться эрозии и в конце концов замещается чужим. Результатом становится обвал и разрушение страны, что и было проделано в ходе «перестройки» и что пытаются повторить сегодня, логически завершив и обеспечив необратимость запущенного тогда процесса уничтожением Российской Федерации.

* Феномен двухпартийных систем объясняется: 1. В политике – с помощью сформулированной Г.Киссинджером концепции «лояльной оппозиции»¹²; 2. В цивилизационной сфере – посредством масонского принципа «воспитания партнерства в условиях буржуазной конкуренции»¹³.

Объективный и субъективный факторы глобализации. Империализм XXI века

П одобно всякому политическому процессу, развитие глобализации тоже определяется взаимодействием объективного и субъективного факторов.

Объективный фактор глобализации – это трансграничность глобальных рынков, их взаимосвязь и взаимозависимость, которую в современном научном сообществе принято считать необратимой; субъективным же фактором, как мы установили, является глобальная олигархия, ее интересы и деятельность по их обеспечению и продвижению.

Таким образом, очевидно, что нынешняя глобализация, *во-первых*, далеко не единственный вариант глобального развития; альтернативу, по опыту Великого Октября, способен сформировать любой иной, не олигархический, субъективный фактор. *Во-вторых*, глобализация в ее современной форме глобального капитализма всего лишь повторяет генеральные тренды столетней давности, когда уровень взаимозависимости экономик был как минимум не ниже, если не выше современного. Следовательно, не имеется никаких оснований считать ее необратимой.

Крупный британский экономист Дж.А.Гобсон в книге «Империализм» (1902 г.) писал, что уже к 1893 г. около 15% всего национального богатства Британии было размещено за пределами империи¹⁵. Немецкий экономист Э.Шильдер в «Тенденциях развития всемирного хозяйства» (Т. 1, 1912 г.), обращал внимание на формирование с 1904 г. международных союзов фабрикантов¹⁵ (т.е. за-

чатков будущих транснациональных монополий и олигархических группировок). За пять лет до Первой мировой войны появилась книга Н.Энжелла «Великая иллюзия» (1909 г.), в которой отмечалось, что Британия и Германия являются друг для друга вторыми по значимости торговыми партнерами; автор данного «бестселлера» посчитал это необратимой гарантией всеобщего процветания, исключаяющей саму возможность глобальных конфликтов. (Показательно, что художественный фильм по этой книге, удостоенный ряда крупных международных премий, был снят в конце 30-х годов, в канун уже следующей – Второй мировой войны, причем во Франции – стране, ставшей одной из ее главных жертв.)

Не забудем главную геополитическую причину глобального конфликта 1914–1918 гг.: рост германского флота угрожал не только господству Британии на морях, но и ее национальной безопасности как островного государства. Сегодня глобальный флот, который в перспективе способен противостоять американскому, ускоренными темпами строит уже Китай, такой же главный партнер США по глобализации XXI в., как Германия для Британии начала XX столетия. К тому же Пекин еще и создает мощную систему ядерных и космических вооружений, а также элементы ПРО, что дополнительно усиливает вероятность его столкновения с Вашингтоном (наглядно демонстрируемую нарастающим корейским кризисом).

История повторяется почти зеркально. Но сегодняшние «энджеллы», например Л.М.Млечин, потерпевший сокрушительное поражение в полемической передаче «Суд времени», или авторы упомянутой теории «волн глобализации» Р.Кобден и Дж.Брайт, наряду с Аттали, по-прежнему необъяснимо самоуверенны в невозможности крупных конфликтов, апеллируя при этом к нынешнему, якобы необратимому и постоянно увеличивающемуся, на их взгляд, уровню взаимозависимости.

По сути, нынешняя ситуация очень напоминает ту, что была подробно описана еще В.И.Лениным в работе «Империализм как высшая стадия капитализма» (1916 г.), в части, касающейся так называемых «признаков империализма»¹⁶:

1. Концентрация производства и возникновение монополий.

«Та “децентрализация”, о которой говорят от имени буржуазной политической экономии... состоит в подчинении единому центру все большего числа ранее самостоятельных... хозяйственных единиц».

Разве не так происходит сегодня?

2. Новая, самостоятельная (в условиях монополии) роль банков.

«Банки... во всех капиталистических странах, при всех разновидностях банковского законодательства, – во много раз усиливают и ускоряют процесс... образования монополий. ...Со стороны торгово-промышленных кругов нередко слышатся жалобы на “терроризм” банков».

Если что и изменилось сегодня, то в худшую сторону глобальной унификации банковских «правил игры», осуществляемой базирующимся в

Швейцарии Банком международных расчетов (БМР) через так называемый Базельский клуб. В его рамках контролю подвергается монетарная политика центробанков стран-участниц, выведенных ради этого из подчинения национально-государственным интересам, в целом, и президентам, парламентам и правительствам в частности.

3. Финансовый капитал и финансовая олигархия.

«Все возрастающая часть промышленного капитала, – цитирует Ленин книгу австрийского социалиста Р.Гильфердинга «Финансовый капитал», – не принадлежит тем промышленникам, которые его применяют. Распоряжение над капиталом они получают лишь при посредстве банка... С другой стороны, и банку все возрастающую часть своих капиталов приходится закреплять в промышленности... Таковой банковский капитал... я называю финансовым капиталом... находящимся в распоряжении банков и применяемым промышленниками...»

Это определение – неполно настолько, поскольку в нем нет указания на один из самых важных моментов... рост концентрации производства и капитала в такой сильной степени, когда концентрация приводит... к монополии. ...Слияние или сращивание банков с промышленностью – вот история возникновения финансового капитала и содержание этого понятия...».

Сегодня это верное для своего времени наблюдение сохраняет актуальность лишь частично, в части, касающейся материального производства. Современный финансовый капитализм пошел дальше: его ин-

ституты и инструменты выводят капитал из промышленности и осуществляют свертывание реального сектора экономики – глобальную деиндустриализацию, в том числе с помощью «устойчивого развития» – глобалистской стратегии, искусственно соединяющей экологию с экономикой и социальной сферой, а через них – с политикой. Производства выводятся в страны третьего мира, а потом закрываются по якобы экологическим соображениям.

Особенно заметным это стало после открепления бумажного доллара от золотого стандарта (1971 г.) и последовавшего за ним внедрения «рейганомии» – производства «финансовых пузырей» в масштабах, поставивших всю мировую экономику под угрозу обвала, который теперь, после распада СССР, можно осуществить в любой удобный для глобальной олигархии момент.

4. Вывоз капитала вместо вывоза товаров.

Актуальность этого признака сегодня не уступает временам столетней давности. С началом глобального финансового кризиса с помощью вывозимого капитала (так называемых иностранных инвестиций) повсеместно скупаются реальные активы, что лишает страны, в которые эти «инвестиции» вкладываются, экономической самостоятельности и, следовательно, существенно ограничивает их суверенитет.

Имеет место, как в случае с Россией, и кабальный вывоз капитала со «стерилизацией» его в государственных ценных бумагах США, отсылающий нас к временам уплаты «дани», получателем которой (видимо, по соответствующим закрытым услови-

ям) является современная глобально-олигархическая «Золотая Орда». Признаем, что она соответствует этому названию намного больше, чем монголо-татарские кочевники XIII–XV вв.

5. Раздел мира между союзами капиталистов.

Для ленинских времен это была конкуренция национальных империализмов – прежде всего британского и германского. Еще упомянутый Гобсон писал о том, что современный ему империализм «воспринят несколькими народами», между собой соперничающими¹⁵. На историческую перспективу эту идею перенес немецкий социал-демократ К. Каутский. В одноименном труде «Империализм» (ноябрь 1914 г.) он предсказал олигархическую фазу глобализации, предположив, что победа одного из национальных империализмов приведет к новой стадии – «ультраимпериализму», содержанием которого станет перенос практики картелей на внешнюю политику¹⁵.

Именно в условиях сверхмонополизированного «ультраимпериализма» речь и заводится об упомянутой замене власти государств частной властью «интеллектуальных элит», о предпочтительности которой в 1993 г. высказывался один из предводителей глобальной олигархии Д. Рокфеллер¹⁷.

6. Война великих держав за раздел поделенного мира.

В отличие от преддверия мировых войн XX в., мир сегодня поделен глобальными олигархами, но войны в их интересах по-прежнему ведут государства. «Мозгу» нужно «тело». США и НАТО с их военной мощью и есть такое «тело», точнее «гора мышц».

Югославия, Афганистан, Ирак, Ливия, за ними Сирия и т.д. – это веки борьбы глобальной олигархии за «новый мировой порядок» с помощью подконтрольных им государств, международных союзов и организаций.

Олигархические «мозги» управляют государственным «телом» с помощью политиков, настоящий отбор которых происходит отнюдь не на выборах. На выборы выходят уже отобранные, чтобы было не важно, кто победит, так как это ничего не меняет.

В этих целях была создана целая система специальных структур и институтов, как открытых, так и полузакрытых и даже полностью засекреченных. Их основу составила связка лондонского Королевского института международных отношений (*Chatham House*) и американского Совета по международным отношениям (*CFR* или *СМО*). Появившись в 1919–1921 гг., вскоре после установления Версальского миропорядка, она создала свои филиалы во всех ключевых субъектах Британской империи, а также в Голландии и во Франции, связанных с нею (соответственно) общими династическими корнями и соответствующими политическими обязательствами. В 50-е – 70-е годы система этих институтов была расширена за счет Бильдербергского клуба, а затем Трехсторонней комиссии, которые приступили к распространению глобализации на Западную Европу и Японию, а также Римского клуба, отвечавшего за формирование ее идеологии и вовлечение Советского Союза и других стран социалистического содружества.

Распад Восточного блока распространил влияние этих структур на

Восточную и Юго-Восточную Европу, осуществленное с помощью создания Европейского союза с последующим расширением его и НАТО на Восток. Он также способствовал появлению в 2000 г. в составе Трехсторонней комиссии так называемого Азиатско-Тихоокеанского блока, дополнившего японское представительство южнокорейским, филиппинским и даже китайским.

Отметим выраженный глобально-олигархический генезис этих структур, выход которых на политическую авансцену произошел вскоре после подведения итогов Первой мировой войны на Парижской конференции (1918–1919 гг.). Самому же этому конфликту, в свою очередь, предшествовало создание в декабре 1913 г. Федеральной резервной системы (ФРС), тесно, пусть и неформально связанной с упомянутым в первой части статьи переворотом во Всемирной сионистской организации (сентябрь 1913 г.).

Иначе говоря, каждый из мировых конфликтов, включая холодную войну, вносит свой вклад в увеличение списка подобных институтов и расширение сферы их влияния.

Несистемные, неотобранные политики через «сито», формируемое этими институтами в рамках глобальной кадровой политики¹⁸, если и просачиваются, то во власти долго не задерживаются, как и те, кто не выполняет принятых на себя обязательств.

В XX в. только американских президентов убили двоих – У.Маккинли и Дж.Кеннеди. Р.Рейган во время покушения спасся и выжил лишь чудом; Р.Никсона вывели из игры с помощью угрозы импичмента; Р.Кеннеди был застрелен буквально на пороге Белого дома,

в конце почти выигранной им президентской кампании.

Причины смерти еще двоих – У.Гардинга и Ф.Рузвельта – если и не скрыты под покровом таинственности, то по крайней мере не имеют однозначного объяснения. Этот список можно дополнить еще и У.Тафтом. В избирательной кампании 1912 г. его «нейтрализовали» с помощью олигархического кандидата Т.Рузвельта, что объяснялось стремлением олигархии провести в президенты В.Вильсона, принявшего на себя, с подачи стоявшего за ним ставленника Ротшильдов полковника Э.Хауса, обязательство обеспечить создание ФРС.

Как видим, ленинское представление об империализме актуально и сегодня, а сам империализм постоянно эволюционирует, не только приспосабливаясь к меняющейся ситуации, но и деятельно влияя на сам вектор ее изменения.

Из этого следует, что глобализация может быть обращена вспять с помощью не только объективного, но и субъективного фактора, как это уже было доказано Великим Октябрем. Хотя следует иметь в виду, что подобный поворот событий с высокой степенью вероятности повлечет за собой новый мировой передел, способный осуществиться в любой форме, включая «большую» войну, угроза которой возрастает все последние годы прямо пропорционально росту конфликтного потенциала в многочисленных горячих точках планеты.

У современной ситуации только два существенных отличия от той, что сложилась чуть менее 100 лет назад: отсутствие СССР (т.е. фактическая глобальная монополия капитализма) и несколько иные экономические условия. Рентабельность рынков сегодня обеспечивается на порядок большей численностью их населения; самодостаточность становится привилегией сверхкрупных общностей и стремится к бесконечности, которая, в свою очередь, ограничивается размерами планеты.

Именно на этом спекулируют современные адепты концепции «многополярного мира», суть и смысл которой заключены в попытке спасения исчерпавшего себя капитализма. Ведь в нынешнем виде, без обновления российской проектности с помощью Сверхмодерна, многополярность остается не более чем иллюзией*: миропроектная конкуренция по-прежнему подавлена проектным доминированием Запада. Поэтому в реальной действительности пока все неизбежно сводится к одному из двух возможных вариантов:

– созданию глобальной федерации (по Каплану) или глобальной империи (по М.Хардту и А.Негри), что, как уже убедились и еще убедимся ниже, будет представлять собой «конец истории» и времен, путь к кото-

* Полноценной многополярности, как следует из наиболее известных и популярных теорий международных систем, принадлежащих М.Николсону и М.Каплану³, в наибольшей мере соответствует система «баланса сил», т.е. некое подобие «концерта держав», учрежденного Венским конгрессом (1814–1815 гг.). Второй вариант – система «единичного вето», где каждый актер способен противостоять как любому другому, так и альянсу всех остальных. Для этого, по выводам Каплана, опять-таки требуется не менее пяти великих держав, а также, дополним это требование еще более важным, наличие у них собственных цивилизационных проектов, включающих как идеальную, так и материальную базу – валютную, торговую и финансовую системы и базовые технологии. В настоящий момент ничего подобного не наблюдается.

рым Бжезинский в свое время проложил через некий «мировой центр... совместной политической ответственности»¹⁹;

– или воссозданию новой биполярной системы, в которой противостояние Запада и Востока возобновится, но уже в трансатлантическо-евроазиатском формате глобальной конкуренции американо-европейского и российско-китайского геополитических альянсов (концепция Геополитической доктрины Российской Федерации генерала Л.Г.Ивашова)²⁰.

Поскольку Россия в таком альянсе обречена на роль ведомого, по-

стольку становится ясно, что одной геополитики, которая по отношению к идеологии и, главное, к историческому и духовному наследию является лишь вторичной, для формирования полноценного цивилизационного проекта недостаточно.

Непреренно требуется идеологическая проектная альтернатива, роль которой и выполняет кургиняновская концепция Сверхмодерна, которая, формируя модель будущего, отказывает капитализму в праве на глобальную монополию, загоняя его в границы превращенного в гетто Запада.

Геополитический и цивилизационный аспекты глобализации. Эсэсовские корни проекта «Еврорегионализация»

Геополитическая сторона глобализации представлена феноменом так называемой глокализации – размывания государств с помощью «ползучей» передачи их полномочий наверх – в наднациональные структуры и вниз – в региональные. Этимология термина «глокализация», в соответствии с известным девизом Римского клуба «Мысли глобально – действуй локально», апеллирует к сочетанию глобального и локального.

Неслучайно, одной из центральных проблем современности становится европейский сепаратизм, наиболее известные прецеденты которого представлены Каталонией и Страной басков в Испании, Корсикой во Франции, Фландрией в Бельгии, Шотландией в Британии, Паданией в Италии и т.д. К сожалению, намного меньше известно о жесткой и последовательной управляемости этого процесса, контроль над которым осуществляется с помощью широкого

спектра соответствующих институтов.

Среди них:

- Комитет регионов Европейского союза;
- Ассоциация европейских приграничных регионов (АЕПР);
- Федералистский союз европейских национальных меньшинств (ФСЕНМ), политическим крылом которого является Демократическая партия народов Европы – Европейский свободный альянс (ДПНЕ-ЕСА), имеющая собственную фракцию в Европейском парламенте – «Зеленые – Европейский свободный альянс» и т.д.

Уже принято множество уставных и программных документов. Наиболее активно этот процесс пошел с середины 80-х годов с запуском советской «перестройки», что, разумеется, неслучайно²¹. Цель этого проекта, именуемого «еврорегионализация», – раздробить государство, особенно крупные. Затем, переподчинив их, минуя свои столицы, Брюсселю, замкнуть на центр Европей-

ского союза их бюджетное финансирование.

«Европа регионов и племен» вместо «Европы государств» – не что иное, как важнейший пилотный проект рассматриваемой нами глобализации (наглядным примером служит судьба Югославии, Чехословакии и, конечно же, СССР). Предполагается, что за распадом государств должны последовать переформатирование и сборка входивших в них регионов в новое, глобальное объединение (империю) или, для начала, в группу квазигосударств. Это и станет упомянутым нами «многополярным миром», который сначала должен сложиться в Европе; затем наступит очередь распространения этого опыта в глобальном масштабе, что собираются проделать с помощью объединения «десяти мировых регионов» в три «мировых блока»²².

Цивилизационный аспект глобализации оперирует схожим с «глокализацией» феноменом «фрагментации», которая представляет собой похожую двухходовую комбинацию: увязку фрагментации религиозных, культурных, исторических и социальных идентичностей европейских государств с интеграцией их экономик, что органично укладывается в проект глобализации.

Здесь следует напомнить, что история объединения Европы уходит корнями в предшествовавший «евро-регионализации» довоенный проект «Панъевропейского союза», авторство которого принадлежит видному представителю европейской аристократии графу Р.Н.Куденхову-Калерги, а соавторство – известному французскому социалисту А.Бриану, многократному премьер-министру и

главе МИД своей страны в первой трети XX в. Обращающее здесь на себя внимание «право-левое» партнерство является калькой с упомянутых нами двухпартийных систем, что раскрывает механизмы как публичного, так и теневого управления формируемым с их помощью либерально-социалистическим консенсусом.

Немаловажно, что Бриан являлся лауреатом Нобелевской премии мира, которую он получил вместе с германским канцлером Г.Штресеманном «За мирное урегулирование международных отношений», в частности за заключение в 1925 г. Локарнского пакта. Инициированный этим документом франко-германский альянс, рассматривавшийся «осью» «панъевропейского» проекта, его организаторам, удалось создать, правда, лишь после Второй мировой войны, запустив тем самым механизм европейской интеграции.

Интересно, что идеологическая и организационная стороны этого проекта начиная с 1942 г. разрабатывались в Третьем рейхе, а точнее, в СС. В 1944 г., по инициативе В.Шелленберга, шефа СД – внешней разведки Рейха, Верховным командованием СС был принят документ «Идея мира для Европы 1944/1945» (*Die europäische Friedensidee 1944/1945*). В нем, в частности, говорилось, что «Германия ведет эту войну ради создания Европейской конфедерации как ассоциативного и социалистического сообщества народов Европы». Согласно разъяснениям по этому документу, которые дал в советском плену обергруппенфюрер СС Р.Гильдебрандт, предполагался «...отказ от всякой претензии на немецкое

господство вне естественных этнических границ расселения немецкого народа», а также «...создание Соединенных Государств Европы на основе равенства прав всех вошедших в них народов. Подчинение всех национальных точек зрения этой великой общей цели»²³.

В марте 1945 г. рейхсфюрер СС Гиммлер по конспиративным каналам передал этот документ лидеру французского сопротивления генералу де Голлю, указав для соответствующих контактов «тех людей в Рейхе, которые готовы повести Германию по новому пути». Именно де Голль и первый канцлер ФРГ К.Аденауэр, по-видимому, принадлежавший именно к «тем людям», стояли у истоков Елисейского договора (1963 г.), которым и была оформлена франко-германская «ось».

В послевоенный период реализация соединенного с эсэсовскими разработками «панъевропейского» проекта была передана под контроль Совета Европы, созданного в 1949 г. по инициативе У.Черчилля. Устав определяет его целью «...достижение большего единства между его членами во имя защиты и осуществления идеалов и принципов, являющихся их общим достоянием, и содействие их экономическому и социальному прогрессу»²⁴. (Особых противоречий с указанным эсэсовским документом и разъяснениями одного из его авторов, как видим, не наблюдается.)

Особое место во франко-германской «оси» европейской интеграции отведено Германии, являющейся главным континентально-европейским партнером США, отношения с которым регулируются так называемым канцлер-актом от 21 мая

1949 г. Генерал Ю.И.Дроздов отмечает, что этот тайный договор действует до 2099 г. и ставит внешнюю и внутреннюю политику ФРГ в фактическую зависимость от Вашингтона²⁵. Этим воспроизводится ситуация внешнего управления перспективами вовлечения Германии в кризисы и военные конфликты, уже имевшая место в 30-е годы. В обмен Берлину, по-видимому, переданы некие «расширенные» полномочия, предусматривающие его особую роль в процессе «еврорегионализации», который в целом соответствует национальным интересам Германии и используется ею для децентрализации и «размягчения» суверенитетов своих европейских соседей и усиления над ними собственного контроля.

ФСЕНМ и связанные с ним партийные и европарламентские структуры, например, получают финансирование из бюджета МВД ФРГ, что показывает отношение к деятельности этих структур официального Берлина как к вопросу внутренней, а не внешней политики. Так, итоги Второй мировой войны явочным порядком переписываются уже не в учебниках истории, а на политической карте Европы и мира.

Процесс «еврорегионализации» не обходит вниманием Россию и постсоветское пространство; показательно, что в свое время при разработке этого проекта в СС планировали опереться в нашей стране на власовцев, которые полностью разделяли нацистскую «федеративную программу». Сегодня по этой же идеологической модели в России действуют так называемые национал-демократы во главе с политологом С.Белковским – апологеты «уменьшительного» национа-

лизма, требующие «освобождения русского народа» за счет разрушения Российской Федерации и «сброса» национальных автономий, как это было проделано с СССР.

Итак, если суммировать воздействие на мировое развитие цивилизационного и геополитического аспектов глобализации, то ее следует признать инструментом расщепления государств и народов на отдельные территории, этносы и личности. Это выдает проектную цель глобали-

зации: разрушение и переустройство даже не послевоенного, а всего мирового порядка в том виде, как он сложился за последние 500 лет, в эпоху Модерна, переживающего сейчас глубочайший кризис. Поскольку и капитализм, и социализм, даже противоборствуя в качестве идеологий и ОЭФ, безусловно, как светские, индустриальные общества принадлежали к Модерну, происхождение этого кризиса, на наш взгляд, следует считать рукотворным.

«Скрижаль Джорджии»

В день весеннего равноденствия (22 марта 1980 г.) в американском штате Джорджия был установлен монумент, выполненный в стиле «нео-Стоунхедж», получивший неофициальное название «Скрижаль Джорджии». На восьми языках, включая русский, на нем выбиты некие десять «заповедей», которые выглядят вызовом, брошенным кем-то Нагорной проповеди Спасителя. Первая же «заповедь» гласит: «Установить численность человечества менее 500 миллионов человек и постоянный баланс с природой».

Вот как видится решение круга проблем, связанных с «утилизацией» остальных 6,5 млрд чел., Г.Х.Попову – одному из организаторов «перестройки», который выступил с развернутой концепцией «постиндустриального» (т.е. постмодернистского) «конца истории» и времен в виде «Нового мирового порядка»²⁶, включив в нее:

– глобальную ядерную и ракетную монополию (понятно, что не России), воспроизводящую пресловутый «план Баруха», выведенный из стен ООН и брошенный в публичную по-

литику Черчиллем в Фултонской речи (5 марта 1946 г.);

– такую же глобальную монополию на планетарные природные ресурсы, прежде всего углеводородное сырье; по сути, речь шла и идет только о российских ресурсах, ибо большинство остальных и так уже находятся под американским контролем;

– глобальную «охрану окружающей среды и мирового климата» в виде «устойчивого развития», которое, как прямо записано в 8-м принципе Рио-де-Жанейрской декларации 1992 г., требует «ограничения и ликвидации нежизнеспособных моделей производства и потребления и поощрения соответствующей демографической политики»²⁷;

– «установление жестких предельных нормативов рождаемости», уточняющих требование «Скрижали Джорджии» применительно к России;

– откровенно фашистское требование «генетического контроля еще на стадии зародыша и тем самым постоянной очистки генофонда человечества»;

– ликвидацию государственных суверенитетов с помощью «новой ООН», мировых парламента, правительства, армии, полиции и т.д.

Следует избавиться от иллюзий: из тех 500 млн чел., которых предполагается оставить на планете, право на полноценную жизнь получат не более нескольких сотен семей. Остальным, по-видимому, будет от-

ведена роль обслуживающего персонала, который, во избежание организованного протеста, будет дезорганизован и десоциализирован, т.е. опущен в архаику.

Это и есть проект разделения единого человечества на изолированные друг от друга страты (касты) господ и рабов, что и записано в «Скрижали Джорджии».

Проект «Глобализация»: выводы и «дорожная карта»

В завершение суммируем результаты проведенного анализа.

Первое. Глобализация – это процесс реализации западного проекта, которая осуществляется в противостоянии Запада со всем остальным миром «*The West against the Rest*», особенно с Россией. Предпосылки для глобализации создаются искусственно подогреваемым кризисом Модерна – уклада, который господствовал всю вторую половину второго тысячелетия. Выбор будущего осуществляется между глобальным фашизмом «конца истории» (или, в религиозной оптике, конца времен) и возобновлением миропроектной конкуренции.

«Конец истории» всячески приближается за счет внедрения мифологем «демократии» и «рынка». С их помощью цивилизационные духовные ценности, в основе которых находятся религиозные традиции, подменяются материальными «общечеловеческими», основанными на несовместимой с традицией оккультной «метафизике денег». Философским эквивалентом данного политического противоречия служит антагонизм диалектического прогрес-

сизма (Г.В.Ф.Гегель) и христианского консерватизма (К.Н.Леонтьев).

Второе. Глобализация не только обладает объективной стороной, которая обусловлена трансграничностью глобальных рынков, но и имеет субъектность, принадлежащую глобальной олигархии Запада, которая поддерживает и продвигает глобализационные процессы, поощряя проектную стагнацию и «загнивание» незападных стран.

С помощью внешнего управления, осуществляемого через компрадорские элиты, олигархия в лице трех ведущих глобальных кланов (Ротшильдов, Рокфеллеров, Ватикана) препятствует кристаллизации локальных проектных субъектов, способных обеспечить этим странам и регионам суверенное, независимое развитие. Поскольку цель глобализации – остановить историю, то глобальную олигархию следует считать контристорическим субъектом, постепенно перерождающимся в направлении фашизма, насаждение которого осуществляется посредством стратегии «устойчивого развития».

Третье. Глобализация осуществляется методом «мировой демократи-

ческой революции», концепция которой опирается на идеи и последователей крайнего либерализма – либертарианства (Л. Штраусс) и неотроцкизма (И. Кристол), объединенных в рамках неоконсерватизма, который послужил официальной идеологией администрации Дж. Буша-младшего.

Глобальная «революционная» стратегия, в центр которой поставлен контристорический и контркультурный альянс западного Постмодерна с Контрмодерном радикального ислама, подкрепляется тесным взаимодействием Белого дома с Израилем, которое осуществляется с помощью ряда специализированных американо-израильских институтов, а также с Ватиканом, в рамках укоренившейся в период Второго Ватиканского собора (1962–1965 гг.) «иудео-христианской» доктрины так называемого христианского сионизма.

Администрацией Буша (ноябрь 2003 г.) в его официальном выступлении в Национальном фонде поддержки демократии был провозглашен глобальный «поход за демократию», поддержанный в контексте преемственности нынешним президентом Б. Обамой в известной каирской речи (июнь 2009 г.).

Четвертое. Пилотным регионом «мировой демократической революции», наряду с «Большим Ближним Востоком», рассматривается и Европа. Осуществляемый здесь проект «еврорегионализации» представляет собой неотъемлемый элемент глобализации, дополняющий расширение НАТО и Европейского союза «глокализацией» и «фрагментацией» – разрушением цивилизаций, стран и со-

циумов, превращением обломков суверенных государств и людей, лишенных родины, идентичности и ценностей, в строительный материал для новой «глобальной империи».

Продвигаемая рядом интеллектуальных центров концепция «многополярного» мира – не что иное, как промежуточный этап ее строительства, распространяемый с помощью «еврорегионализации» не только на постсоветское пространство, но и на территорию Российской Федерации.

Важнейшими инструментами реализации этой стратегии становятся «цветные» перевороты (именуемые «революциями»), осуществляемые с помощью местной «пятой колонны», действующей в интересах глобальной олигархии в развивающихся странах. В тех случаях, когда «пятая колонна» с этой задачей не справляется, как в Ливии и Сирии, задача решается посредством разжигания внутренних конфликтов (гражданских войн) и иностранного «гуманитарного» интервенционистского вмешательства.

Современная ситуация в Сирии позволяет рассматривать эту страну своеобразным «полигоном» подготовки крупного регионального, а возможно и глобального конфликта. Поведение крупнейших держав Запада во многом копирует их политику в Испании 1936–1939 гг., периода франкистского переворота и гражданской войны, предшествовавших развязыванию Второй мировой войны.

Пятое. Усиленно внедряемая ныне в общественное сознание идея о необратимости глобализации не соответствует действительности и является мифом, а сама глобализация в

своих основных чертах воспроизводит империализм столетней давности, детально исследованный В.И. Лениным, а также рядом крупных западных теоретиков – Дж.А. Гобсоном, К. Каутским, Р. Гильфердингом и др. Показательно, что его современная эволюция осуществляется строго в определенном, по-видимому заданном, направлении – глобальной ценностной унификации, прикрываемой фарисейскими лозунгами так называемой толерантности и мультикультурализма.

Шестое. Обратить глобализацию вспять по силам только России, ибо лишь у нашей страны, в отличие от других, даже более старых цивилизаций, имеется соответствующий проектный опыт, обусловленный спецификой самой российской проектности, выдвинувшей нашу страну на острие 500-летней конкуренции (борьбы) с «коллективным» Западом.

В заключение раскроем «дорожную карту» глобализации в том виде, в котором началось и происходит ее осуществление.

В начале XX столетия системообразующую конструкцию (каркас) политического мироустройства составляли империи – государства с «длинным» горизонтом стратегического планирования, раскрывавшим историческую перспективу на многие десятилетия вперед. Разрушение империй, ставшее главным итогом Первой мировой войны, привело к установлению республиканской формы правления, проходившей апробацию в США и во Франции еще с конца XVIII в., со времен Декларации независимости и Французской революции.

Ликвидация монархий объективно в рамках всеобщего избирательного права сократила видимый горизонт стратегического планирования до нескольких лет – от выборов до выборов. Но поскольку функция такого планирования никуда не исчезла, ее передали в предусмотрительно созданные именно для этого непубличные управленческие структуры, которые стали осуществлять ее не в широких, массовых, а в закрытых интересах – корпоративных, «частных» (по выражению Д. Рокфеллера).

Реальная, подлинная власть (которую иногда называют концептуальной) оказалась скрытой от всеобщего обозрения и спрятанной за завесой секрет-

Подтверждение уникальной роли России во всемирно-историческом процессе отыскивается и в традиционно-религиозных представлениях, причем не только в православных, но и в католических, а также в специфической роли культуры как исторически сложившегося главного социокультурного регулятора общественных отношений. В целом эта роль характеризуется функцией «удерживающего» политического субъекта (или, в христианской эсхатологической оптике, «Катехона»), препятствующего наступлению «конца истории» и времен.

Понимая особость России, глобально-олигархический субъект глобализации активно продвигает планирование и осуществление подрыва и разрушения нашей страны по схеме, прошедшей апробацию в ходе так называемой перестройки, а также всемерно поощряет, в том числе за счет финансирования, функционирование в России «пятой колонны».

ности, против которой незадолго до своей трагической гибели жестко выступил Дж.Кеннеди. Его предшественник Д.Эйзенхауэр, уходя с президентского поста, также предупреждал о подобной угрозе, которую сформулировал как переход власти в руки военно-промышленного комплекса.

Распространению этой модели на весь мир помешала Октябрьская революция 1917 г. в России, в особенности провал предпринятой глобальной олигархией попытки поставить во главе этого исторического события Л.Д.Троцкого.

После прихода к власти в СССР И.В.Сталина, взявшего на вооружение концепцию строительства социализма в отдельно взятой стране, проект глобальной олигархии столкнулся с рядом серьезных вызовов и проблем. Главным из них, на наш взгляд, следует считать возрождение России путем фактического воссоздания в нашей стране новой «красной» империи – крупного государства с самостоятельным, «длинным» горизонтом планирования и, главное, с альтернативным видением исторической перспективы.

Поиски ответа на этот вызов предопределили сближение глобальной олигархии с «отодвинутой» было от власти аристократией, а также включение в этот альянс на особых, эксклюзивных правах западного научного сообщества, соединившего фундаментальные исследования с вузовской и прикладной наукой. На этой основе был создан ряд специализированных центров глобального стратегического планирования и управления.

Первая попытка реализовать выработанный в рамках этого объединения «консенсус» об «остановке истории» была предпринята в период Великой депрессии, трансформировавшей Веймарскую Германию в фашистский Третий рейх; поражение этого проекта во время Второй мировой войны стимулировало его «интернациональную», точнее «мультикультуральную», трансформацию.

Одновременно усилиями британских, американских, а в послевоенное время и уцелевших нацистских спецслужб был запущен еще один проект – «исламский фундаментализм», который в рамках диалектического процесса был взят под контроль с помощью организации его управляемого конфликта с сионистским проектом, получившим опорную государственность в виде Израильского государства.

«Перестройка», завершившаяся разрушением СССР, привела к формированию глобальной проектной монополии Запада в форме глобализации. В ее рамках глобальная олигархия, отбросив кейнсианскую концепцию *welfare state*, приступила к практической реализации проекта «конца истории» и времен («Нового мирового порядка»), осуществляемой с помощью стратегии «устойчивого развития».

В рамках подготовительных мероприятий, проводившихся еще в годы холодной войны под эгидой Римского клуба, ООН, а также Социалистического Интернационала и других глобалистских институтов, фундаментальному пересмотру была подвергнута концепция политической демократии, трансформированная в проект «глобальной демократизации». В 1966–1967 гг. появились труды Бжезинского «...Роль Америки в технотронной эре» и Печчеи

«Перед бездной». В 1975 г. вышел получивший известность на Западе, но так и не переведенный на русский язык доклад созданной Д.Рокфеллером и тем же Бжезинским Трехсторонней комиссии «Кризис демократии»²⁸, одним из авторов которого стал создатель теории «столкновения цивилизаций» С.Хантингтон.

В этом документе прямо говорится о возможности возрождения фашизма (правда, в иной идеологической «упаковке») как способе восстановления утрачиваемого элитами социального авторитета и контроля.

Конечной целью глобально-олигархической стратегии следует считать сохранение горизонта мирового стратегического планирования вместе с реальной властью в частных руках и их максимальную консолидацию путем кардинального снижения роли (или даже полной ликвидации) государств, что позволяет избежать возрождения любой, в особенности российской, имперской самодостаточности.

Выводы, в том числе идеологические, политические и организационные, из этой «дорожной карты», по мнению авторов, необходимо сделать как российской власти, так и всему российскому обществу. Условием сохранения политического и экономического суверенитета страны, а тем более успешного развития постсоветской интеграции, является пересмотр глубоко ошибочного положения новой редакции Концепции внешней политики Российской Федерации (2013 г.) об «общецивилизационных корнях» нашей страны и государств Евро-Атлантического региона.

Следует официально признать за нашей страной полную и абсолютную цивилизационную самостоятельность и самодостаточность, обусловленную всем ходом ее исторического развития, уникальностью роли и места в цивилизационной миропроектной конкуренции, которая заключается в непрерывности 500-летнего противостояния с западной цивилизацией.

Результатом данного идеологического и политического маневра авторам видится кристаллизация нового российского цивилизационного проекта, адекватность и жизнеспособность которого обуславливается его адаптивностью к постсоветской интеграции и общей для всей истории нашей страны проектной преемственности. Фундаментальным основанием такого проекта (приоритетным вариантом авторы считают Сверхмодерн) следует считать безусловный приоритет коллективных интересов над частными, что потребует концептуального пересмотра ряда обязательств, взятых нашей страной перед соответствующими международными институтами и организациями.

Примечания

¹ Шеллинг Т. Стратегия конфликта. М., 2007.

² Кургинаян С.Е. Суть времени – 1 // URL: <http://www.kurginyan.ru/publ.shtml?cmd=add&cat=4&id=77>; Суть времени – 3 <http://www.kurginyan.ru/publ.shtml?cmd=add&cat=4&id=80>

³ Цыганков П.А. Теория международных отношений. М., 2006. С. 105–116, 178–184.

⁴ Чубайс А.Б. Либеральная империя // НГ. 2003. 1 октября.

- ⁵ Рудаков А.Б. Секретные генетические, финансовые и разведывательные программы Третьего рейха. М., 2008. С. 151.
- ⁶ Павленко В.Б. Институциональные аспекты глобального управления политическими процессами. Дисс. на соискание докт. политич. наук. М.: РГСУ, 2008. С. 262–264.
- ⁷ Ленин В.И. ПСС. Т. 26. С. 218–219.
- ⁸ Ленин В.И. ПСС. Т. 6. С. 28–29, 81–84.
- ⁹ Ленин В.И. ПСС. Т. 11. С. 367.
- ¹⁰ Бронский Н., Кесарев А. Объективный и субъективный факторы истории. Челябинск, 1965; Глезерман Г.Е. Диалектика объективных условий и субъективный фактор в строительстве коммунизма // Вопросы философии. 1965. № 6.
- ¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 11. С. 372.
- ¹² Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 739.
- ¹³ Гизе А. Вольные каменщики. М., 2006. С. 49.
- ¹⁴ Аттали Ж. Кочевники // На пороге нового тысячелетия // URL: http://politology.vuzlib.org/book_o271_page_8.html
- ¹⁵ Цит. по: Ленин В.И. ПСС. Т. 28. С. 386, 71–72, 381, 243.
- ¹⁶ Ленин В.И. ПСС. Т. 27. С. 310–385.
- ¹⁷ Хаггер Н. Синдикат. История мирового правительства. М., 2009. С. 49–50.
- ¹⁸ URL: <http://www.greek.ru/news/greecetoday/22877>
- ¹⁹ Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М., 2002. С. 235.
- ²⁰ URL: <http://akademiagr.ru/geopoliticheskaya-doktrina-rossijskoj-federacii>
- ²¹ Четверикова О.Н. Бельгия, Испания, далее везде: механизм перекройки карты Европы // URL: <http://www.fondsk.ru/news/2007/12/28/8576-8576.html>
- ²² Павленко В.Б., Штоль В.В. Проект «Глобализация»: роль и место во всемирно-историческом процессе // Обозреватель–Observer. 2013. № 4.
- ²³ Цит. по: Парвулеско Ж. Путин и евразийская империя. СПб., 2008. С. 111–112.
- ²⁴ Устав Совета Европы (ст. 1. п. а) // URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/rus/Treaties/Html/001.htm>
- ²⁵ URL: <http://www.fontanka.ru/2011/03/05/042>
- ²⁶ Попов Г.Х. Кризис и глобальные проблемы // МК. 2009. 25 марта.
- ²⁷ URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml
- ²⁸ Crozier M.J., Huntington S.P., Watanuki J. The Crisis of Democracy. Report on the Governability to the Trilateral Commission // N.Y., 1975.